

Бодрак (Трудолюбовка). Из селения в лес пришло также около двух тысяч стариков, женщин и детей. Их нужно было защищать от врага, обеспечивать всем необходимым для жизни. Так что забот Грузинову хватало.

Чего греха таинь, будучи рядовым партизаном, он недолюбливал строгую дисциплину. Но, назначенный командиром отряда, стал настолько требовательным к подчиненным, что мы удивлялись. И не только к подчиненным, но и к себе. Я много раз посещал отряд, и не было случая, чтобы командир был небрежно одет. Неизменная тельняшка закрыта воротником чистой гимнастерки с белоснежным подворотничком, хромовые сапоги начищены до блеска. Весь он подтянут, собран, подвижен. Трудно представить Жору идущим неторопливым шагом. Он всегда, как говорили партизаны, «ходил бегом». И боже упаси, если партизан, получив его приказ, медлил с выполнением. Он говорил в таких случаях:

— Приказ командира — закон для подчиненного, но выполняется бегом и с радостью.

С радостью! Это слово он подчеркивал особо.

Многое изменилось в Жоре. Неизменной осталась только его привычка говорить кудряво, по-одесски. Но к этому мы привыкли, и нам даже нравились остроумные речи молодого командира.

На очередном совещании командиров отрядов, где обсуждался вопрос о диверсиях, Николай Гордиенко сказал:

— Возле нас проходит железная дорога. Точно по графику идут поезда, обходчики бродят по полотну, как по бульвару. До каких пор мы будем терпеть этот беспорядок?

— Николай прав, — подхватил Грузинов, — надо установить на дороге наш партизанский порядок. Хорошо бы столкнуть два-три паровозика, конечно вместе с вагонами.

Пошутив для начала, командиры серьезно решили заняться наведением партизанского порядка на железной дороге.

Вскоре разведчики отряда Грузинова узнали, что на железнодорожную станцию Альма пришло два вагона авиабомб, две цистерны с бензином и 10 вагонов с зерном. Было решено внезапным налетом на станцию уничтожить бомбы, горючее и хлеб. Начальник штаба предложил послать на это ответственное задание партизан

пятого отряда. Операция еще не была разработана, как в штаб вихрем примчался Грузинов.

— Кто пойдет на Альму? — спросил он

— Пятый отряд.

— Ну вот, я так и знал. Мои разведчики нашли работу, а выполнять ее будет пятый отряд. Где справедливость?

Никакие доводы на него не действовали. Он горячился, просил, требовал:

— Отдайте Альму нашему отряду и, пожалуйста, не доводите человека до крайности!

— Но мы уже начали разрабатывать план операции...

Жора выхватил из сумки старенькую, потрепанную карту и развернул ее:

— А разве это не план? Я, конечно, далеко не Чапаев, но вот тут партитура оперы с шикарным фейерверком. Смотрите, — Жора карандашом указал на карте четыре точки. — Вот тут, здесь и с этой стороны — часовые. Разведчики осмотрели станцию, как собственную квартиру. Ровно в два ноль-ноль они снимают часовых. Вот тут, у переезда, расположатся пулеметчики Саша Кирюшин и Ваня Ольшевский. Затем на станцию врывается взвод Сережи Половчени и нарушает тишину. Гранат у нас много, и Сережа устроит шикарную панику. Пока фрицы натягивают штаны, Володя Яковецкий, Витя Шевченко, Коля Деревянко успеют взорвать вагоны с бомбами. С юга к цистерне с горючим подползут Жора Король и Петя Кузьменко. Бензин запылает с воссторгом. Займемся и вагонами с зерном. А когда фейерверк взметнется в ночное небо, мы все под бурю оваций и гром аплодисментов покинем арену вот здесь, через переезд. Коричневые паралитики, конечно, бросятся за нами, но напорются на огонь наших пулеметов. На всю операцию сорок минут. Как по нотам.

— А ведь здорово! — воскликнул командир 5-го отряда Гордиенко.

— Слыши слова настоящего мужчины! — довольно произнес Жора и добавил: — Жду поддержки отцов-командиров.

Шутки-шутками, но мы поняли, что операция у Грузинова разработана, что сам он горит желанием разгромить станцию и оправдать свой веселый доклад. Решили поручить ему это дело.

Безветренной морозной ночью взвод под командова-

нием Сергея Половчени и политрука комсомольца Владимира Олейникова, перейдя реку Альму и Севастопольское шоссе, бесшумно обошел заставы, охранявшие подступы к железнодорожной станции. Разбившись на три группы и сняв часовых, партизаны одновременно подорвали боеприпасы, подожгли казарму, где нашли себе могилу 16 фашистов, офицерское общежитие, состав с зерном, цистерны с бензином и платформу с легковой автомашиной.

Все вокруг было объято ярким пламенем пожарища. Несмотря на шквальную пальбу, которую подняли враги, партизаны отошли без потерь. Грузинов оказался прав — операция прошла как по нотам, только не успели уложиться во время. Пришлось задержаться из-за начальника станции. Этот предатель не в пример своим хозяевам не растерялся, побежал к пулемету и стал обстреливать переезд. Послали людей в обход и истратили на гада две гранаты. Вышла небольшая заминка и с бомбами. Оказалось, что их успели выгрузить из вагонов и перенести на склад. Пришлось убрать часовых у бомбохранилища, только тогда склад взлетел на воздух.

Таким образом на всю операцию ушло 70 минут.

Через день наши разведчики вновь побывали на станции и донесли, что пути, разрушенные взрывом, восстановлены, сгоревшие вагоны и цистерны убраны и через станцию снова идут поезда. А этого мы не могли допустить.

Кого послать во вторичный налет? Конечно, партизан третьего отряда.

Грузинов вызвал командира группы Половченю и сказал:

— Альминская программа, Сережа, прошла с потрясающим успехом. Партизанская публика кричит «браво» и «бис». Надеюсь повторить. Особенно обрати внимание на водокачку...

Несколько дней спустя взвод Половчени вновь побывал на Альме. На этот раз была взорвана водонапорная башня, повреждены железнодорожные пути, выведена из строя вся водная магистраль. Последовавший затем третий дерзкий налет на станцию завершился крушением эшелона с техникой и войсками.

После «альминской операции» на участке между Симферополем и Бахчисараем стал непрерывно курсировать немецкий бронепоезд. Стоило только партизанам ока-

заться вблизи полотна, как на них обрушивался интенсивный огонь пушек, пулеметов, укрытых в броне врачающихся башен. В связи с этим отряд Петра Гвалия получил задание уничтожить вражеский бронепоезд.

Группа минеров под прикрытием двух боевых групп вышла к дороге. Партизаны заминировали полотно, положив под рельсы свыше двухсот килограммов тола. Провод с электрозамыкателем отвели метров на триста, в специально вырытую яму. Когда были закончены все приготовления, заговорили партизанские автоматы. Как и предполагалось, немецкие патрули объявили тревогу и тотчас вызвали на помощь бронепоезд. Спустя несколько минут, освещая все вокруг мощными прожекторами, он на полном ходу уже мчался к своей гибели. Раздались оглушительные взрывы, и поезд взлетел на воздух. А диверсанты были уже далеко.

Партизаны отряда Грузинова специализировались на железнодорожных диверсиях. Сам Жора что называется вошел во вкус этого дела и однажды предложил план большой операции.

— Хорошую моду взяли эти гады,—сказал он мне,— по всей дороге наставили громадное количество ремонтников и путевых обходчиков. Нет условий для творческой работы. Позавчера мы подорвали три стрелки, надеялись остановить движение хотя бы на сутки. Но уже к утру стрелки были восстановлены, поезда пошли по расписанию. Если так будет и дальше, я уйду в женский монастырь.

— Что же ты предлагаешь?

— Взорвать три километра полотна сразу. Для этого надо пятьсот шашек тола.

— Но как подорвешь столько шашек одновременно? Об этом ты подумал?

— Если надо — подумаю.

— Надо. Мы уже несколько дней над этим голову ломаем.

Предложение Грузинова для нас не было новым. Немцы действительно хорошо организовали наблюдение за дорогой и последствия наших диверсий устраивали быстро. Поезда ходили в Севастополь и обратно почти без задержек. Мы этого не могли допустить. Нужно было взорвать полотно сразу на большом участке. Взрывчатка для этой цели у нас была, но как одновременно подорвать большое количество толовых шашек? Из множе-

ства предложений выбрали одно: послать на диверсию десять групп по три человека в каждой. Ночью группы выходят к указанным участкам железнодорожного полотна и ждут сигнала. Затем по сигналу ракеты все группы одновременно подходят к полотну и начинают работать. Первый номер быстро идет вдоль дороги и ставит толовые шашки под рельсы. Второй номер вставляет в шашки куски бикфордова шнуря с детонаторами. Третий идет на расстоянии 15—20 метров от второго и поджигает запалы. Длину бикфордова шнуря рассчитали так, чтобы первая шашка взорвалась тогда, когда будет подожжен последний запал. Таким образом к моменту первых взрывов группы успеют отойти в безопасное место.

Ночью 8 сентября тридцать три диверсанта (11 групп) вышли к железной дороге. Они должны были взорвать два участка пути: один на перегоне Бахчисарай—Альма, другой на перегоне Альма — Симферополь. Каждая группа получила по 35 толовых четырехсотграммовых шашек. В 2 часа ночи подрывники были на местах и ожидали сигнала. Через полчаса в ночное небо взвились две ракеты — красная и зеленая. Диверсанты бросились к полотну. Операцией руководил майор Костин. Он расчитал все точно. Почти в одно и то же время на обоих участках начались взрывы. Один за другим с интервалами в 3—4 секунды, начали взлетать в воздух рельсы. Партизаны без потерь отошли в лес. Было взорвано около трех километров железнодорожного полотна. Гитлеровцы ремонтировали дорогу девять дней.

...Майор Костин впервые появился в лесу зимой 1943 года, когда у нас еще только развертывалась «рельсовая война». Он был сброшен в отряд с группой испанских коммунистов. Все они покинули Испанию еще в 1937 году, после окончания гражданской войны. Все они были отличными знатоками подрывного дела. А майор Костин — некогда боевой летчик республиканской авиации, а еще раньше грузчик Барселонского порта Антонио Белабардини — наиопытнейший из них.

Костин и его помощники стали подрывниками-инструкторами. Они обучали партизан быстро заряжать и «приклеивать» мины, подцеплять «колесные замыкатели», оборудовать «камнеметы», часто ходили в разведку и на боевые операции.

В дни январского прочеса я приказал Костину и одному из его первых учеников — Гордиенко изготовить

несколько «камнеметов». Это обычная гондола, до отказа набитая камнями. Привязанная к парашюту, натянутому на дерево, она на первый взгляд ничем не отличается от любой «сброски» — посылки, брошенной с самолета. Под гондолу устанавливали мину, и «камнемет» готов. Для большего эффекта минировали и подходы к дереву.

Ночью один из «камнеметов» мы выставили на косогоре вблизи Коуша. А уже рано утром на партизанскую удочку клюнуло свыше двух десятков полицаев. Завидев гондолу, они, перегоняя друг друга, бросились за легкой добычей. И тут оглушительный взрыв потряс воздух. Те, кто находился поближе, были разорваны в клочья. Остальным хорошо досталось от каменного «дождя».

Комендант гарнизона выслал автомашину и взвод солдат для подбора убитых и раненых. Но машина взлетела в воздух, подорвавшись на заминированной дороге, и число мертвцев увеличилось почти втрое. Сорок убитых — результат «работы» только одного «камнемета» системы майора Костина.

С тех пор гитлеровцы уже никогда не решались лакомиться посылками с Большой земли. А однажды, увидев на дереве раскрытий парашют, они около часа обстреливали его, но подойти так и не решились, хотя на этот раз имели дело с настоящей «сброской».

* * *

Четвертый отряд под командованием Ивана Урсола совершил исключительный по своей дерзости налет на гарнизон Бахчисарая. Внезапно появившись на склонах у самого города, партизаны обрушили на головы противника шквальный огонь. В ход были пущены пулеметы, автоматы, гранаты. Невероятная паника поднялась в стане врага. Перепуганный до полусмерти комендант железнодорожной станции сообщил в Симферополь, что «партизаны заняли город». Оттуда на помощь Бахчисарайскому гарнизону вышел отряд кавалерии в шестьсот сабель.

Позднее нам рассказывали, что оккупанты сразу же бросились наутек к станции. Спасаясь от метких партизанских пуль, многие ползли на четвереньках. Кто был половчее, добрался к вокзалу, а остальные всю ночь пролежали в липкой холодной грязи.

Когда четвертый отряд выходил на операцию, партизаны злились на ненастную погоду. Узнав же, что сотни

гитлеровцев приняли отнюдь не целебные грязевые ванны, никто больше не гневался на нечастье. Вот уже поистине — нет худа без добра!

Перед новым годом смелую вылазку совершили наши «братья славяне» — так мы называли трех Василиев: Василий Кочкарев был русский, Василий Угня — украинец, Василий Сапоушек — чех. Эти трое постоянно ходили в бой вместе. На этот раз они задумали «номер с переодеванием». Нарядившись в немецкую военную форму и вооружившись трофейными автоматами, три Василия отправились за «языками» на дорогу.

Этот «немецкий патруль», соблюдая все правила, шествовал между населенными пунктами Ливадки и Чистенькая. Выждав момент, когда на какое-то время опустело Симферопольское шоссе, они остановили для «прописки» документов автомашину с десятью гитлеровцами.

Пока Сапоушек на немецком языке беседовал с шофером и пассажирами, Кочкарев отошел в сторону и, укрывшись за бугорком, открыл огонь. Но не успели его друзья отбежать, как автомат Кочкарева отказал, и в то же мгновение в него полетела граната. Поймав ее на лету, Василий бросил гранату обратно и попал точно в кузов. Четыре фашиста были убиты наповал, шестеро бросились на партизан. Завязалась рукопашная схватка. Один из немцев вцепился в горло Кочкареву. На помощь бросился Угня, успевший уже прикончить двух фашистов. Когда со стороны Севастополя показалась машина, Сапоушек крикнул:

— Кончай, хватит!

Захватив «языка», вражеские винтовки и автоматы, три Василия благополучно вернулись в лагерь.

Много хлопот противнику доставлял пятый отряд. И гитлеровцы решили его полностью уничтожить. С этой целью они подтянули к селению Бия-Сала несколько подразделений автоматчиков, танки, полевую артиллерию, минометы. Лавина огня обрушилась на партизан. Они стойко сдерживали на протяжении нескольких трудных часов натиск численно превосходящих сил противника. Подоспевший из штаба соединения комендантский взвод станковых пулеметов помог отряду благополучно отступить в лес. Противник же понес довольно ощутимые потери.

Как-то после войны, просматривая комплект газеты «Известия» за 1943 год, я наткнулся на опубликованную

в номере от 4 декабря статью о положении в Крыму. В ней сообщалось:

«В настоящее время насчитывается не менее двадцати пяти деревень (Барабановка, Петрово Зуйского района, Тав-Бодрак Бахчисарайского района и другие), из которых партизаны изгнали врага, где они истребили предателей и восстановили Советскую власть. Попытки немцев взять эти деревни силой оружия терпят неудачу...

В канун 26-й годовщины Октябрьской революции партизанский командир, ровесник Октября 26-летний Федор Федоренко, стяжавший себе среди партизан и населения Крыма большую славу своей исключительной храбростью, отбил у немцев целую колонну автомашин. Расцветив эти автомашины красными флагами и посадив на них людей своего отряда, тов. Федоренко поехал по деревням, расположенным на пути к Симферополю, проводить праздничные митинги.

Он объехал таким образом четырнадцать деревень и среди бела дня выступал в них на крестьянских собраниях с докладами о положении на фронтах Отечественной войны и в Крыму, о жизни в Советском Союзе. Последний, четырнадцатый митинг он провел в пяти километрах от Симферополя. Немцы не осмелились стать на пути отряда бесстрашных партизан...

Да, Крым сейчас не тот, мирный, благоухающий ароматами осенних плодов, расцвеченный радужными красками юга края, каким мы его некогда знали. Но он и не такой, каким рисовался воображению жадных до легкой наживы, опьяненных мечтой о молниеносной победе гитлеровцев. Он грозен, как вздыбывающиеся над его берегами волны штурмового моря. Вздымается девятый вал народной мести».

В статье очень точно отражена обстановка, которая сложилась в Крыму к концу 1943 года.

Наши отряды в это время жили боевой кипучей жизнью. Чувствовался огромный подъем, все видели, что победа уже близка, что скоро-скоро и на нашу улицу придет праздник. В те дни я часто бывал в отрядах. Помню, приехал как-то в Новый Бодрак. Здесь стояли отряды Грузинова и Гвалия. В них в общей сложности было больше тысячи человек. Обошел расположение. Партизаны жили в домах. Был введен строгий распорядок дня: подъем, завтрак, политинформация, отправка боевые задания, чистка оружия и т. д. Все, как в

регулярных частях Красной Армии. В отрядах было организовано трехразовое питание, работали пекарня, кухня, швейная и сапожная мастерские, баня. У людей — здоровый и бодрый вид, отличное настроение. Ничего похожего на наше бедственное положение в 1941—1942 годах. На вооружении — автоматы, пулеметы, винтовок совсем немного.

Вечером в бывшем колхозном клубе состоялось общее собрание партизан. Я рассказал о положении на фронтах. Вести были радостные — наша армия гнала гитлеровцев по всему фронту. Потом перешел к нашим партизанским делам — кто как дерется с врагом, кто отличился в последних боях. Эта часть вызвала особое оживление, было задано несколько вопросов. Чувствовалось, что сообщение об успехах других отрядов задевает партизан. Надо сказать, что в это время среди отрядов развернулось боевое соревнование: каждый старался быть передовым, отличиться. Операции проводились ежедневно, одна другой смелее и удачнее. Боевой наступательный дух укрепился в партизанских войсках. Прошли те времена, когда мы, бывало, лишний раз не ввязывались в схватку с оккупантами, сохраняя своих людей, экономя боеприпасы. Сейчас не гитлеровцы нам, а мы им навязывали бои. Инициатива полностью находилась в наших руках.

Едва закончилось собрание, начался концерт. Грязнули баяны, и на сцену выбежали танцоры из отряда Гвалия. Они исполнили национальный грузинский танец с книжалами. Плясали так лихо, в таком бешеном темпе, что дух захватывало. Им долго хлопали.

А когда на сцену вышел хор и стал одну за другой исполнять советские песни, зал дружно подхватывал припев. Стекла дрожали, песня летела далеко-далеко.

И весь этот шумный веселый праздник происходил

Петр Татаринцев.

буквально рядом с гитлеровцами. Станция Альма, которая была в их руках, находилась всего километрах в четырех от деревни. К нам в лагерь приходили проводить своих мужей-партизан женщины из Альмы. Они рассказывали, что партизанские песни вечером хорошо слышны на станции. Фашисты не спят всю ночь, ждут нападения.

— И нам не спится, — говорили женщины. — Чудно как-то. Услышим советские песни, кажется, будто наши пришли. А глянешь на улицу — идет немецкий патруль.

Наша боевая деятельность оказывала огромное влияние на настроение мирного населения. Люди видели, что партизаны стали огромной силой, что оккупантам их не одолеть. Жители были за нас спокойны и, видя, как фашистский отряд отправляется в лес, говорили:

— Сейчас им наши дадут!

И продолжали заниматься своими хозяйственными делами, хотя бой шел в каких-нибудь двух-трех километрах от села.

ОХРИМЕНКО ИДЕТ НА ВЫРУЧКУ

Нигде так быстро не проявляются способности человека, его характер, как в партизанской борьбе. Здесь не спрячешься за спину товарища — встречи с врагом у партизана происходят зачастую один на один. И потому с первых же дней вступления человека в отряд сразу бывает видно, как выражался Гордиенко, «что это за птица — орел или синица».

О замечательных боевых качествах Константина Охрименко мы узнали после первых же проведенных его группой операций. Он прибыл к нам во главе десятка хорошо вооруженных моряков, из которых мы создали группу разведчиков и передали ее отряду Гордиенко. Костя понравился командиру отряда. Он выделялся среди своих друзей-моряков и вообще был заметной личностью. Представьте себе высокого, широкоплечего человека с густойрусой бородкой и нависшими бровями, из-под которых, слегка щурясь, смотрели серые глаза. Ходил он, широко расставляя ноги, походкой человека, привыкшего удерживать равновесие на шаткой палубе корабля, ходил совершенно бесшумно — как и подобает хорошему разведчику. Длинные руки, в которых чувствовалась громадная сила, Костя обычно держал в карманах морских брюк. Говорил он коротко, односложно,